

Стекло рассвета опускается, дробится, и осколки его
Облекают тающее сознание. Так было как-то на горе,
Давно упавшей в книги, — и губы мягкие поют моим губам
Старую песнь, знакомую песнь.
Так долго длится утро.

Так долго длится любовь.

Протяжный крик утра висит над просыпающимся домом,
Как сталь; и вот солнце, золотой кувшин, вливает в нас
Первые капли...

Когда ты погружаешь глаза свои в страх,
Я знаю: боги несовершенны, все, кроме тебя.

Мы все хотим жить, преступные, мясо,

И есть еще великоленый, как парус, день,

Уходящий холмами туда, где не смолкает смех.

Утром кожа сна сходит с трудом

И, будто в огне, сворачивается в слова:

Тесные сумерки...

Выгляни в окно — там, как всегда,

Над крышей кружит сумасшедшая птица.

Сидя на крыльце, вижу,

Как медленно уходит облако дня

И ночь восходит с востока, играя,

Как черное солнце в записках моего друга.

Он приходит в сумерках, медленно поднимаются

Его губы, ведя череду слов:

«Товарищи по плачу, взлетающему к небу белой птицей,

Танцоры, уставшие убежать от мучительной музыки сфер,

Когда черные ладони ночи опускаются нам на плечи,

Я впущу вас сюда, в пещеру памяти моей и песни,

Где качаются законы, старые, как матери,

Мы ляжем на пол, сладко пахнувший телом,

И станем слушать, как неторопливо приходит и уходит
жизнь».

Лишь на рассвете встает передо мной, слушающим,

Торжественная стена сна.

Сергей Магид

* * *

Там спит вода и заморозок бьет
в большие корни вялую траву,
там: иней ткет морозную канву
и воздух белый по утрам поет.

Там жгут костры и вскапывают сад,
и комнаты проталкивают впрок,
и никогда о той не говорят,
что послезавтра перейдет порог.

Там старый дом на языке земли,
протянутом к болотному ручью,
где воду пьют, теперь уже ничью,
стволы косые в солнечной пыли.

Там зреет жизнь, что будет после нас,
там детство прилегло на чердаке
и вспоминает тот короткий час,
когда судьбу я грел в своей руке.

И тихо шепчет белая струя
стекающих на голову небес,
что там, где небо, и вот этот лес,
и старый дом, — там родина моя.

* * *

День, как котенок, лакает из луж молоко
белого неба, налитого в блюде двора,
чья-то рука постучалась и в наше окно
звоном карнизов, капелью, гремящей с утра.

Окна раскроем и на паутинки лучей
вывесим душу проветриться и посвежить,
грохотом льдин, перекличкой отважных грачей
спишем в утиль заезавшуюся смерть.

Пеню света отмоем обиды зимы,
страх соскоблим и надеждою лица прогрем,
и на секунду поверим, что именно мы
чудом отмечены и никогда не умрем.

* * *

Ах этот ветер — напоминанье
о непрерывно длящемся чуде
жить и чувствовать ветер.

У вечерней воды — вечное поминанье
всех, кто оставил в людях
ветер напоминанья
о мужестве жить на свете.

На выцветший за день город тень от ветра
ложится,
поминанье вышептывается и длится,
пока мы вращаем чудо бесконечно круглого
года.

Земли крутобокая тыква
утром легка желтоватым звоном.
Ветер с моря,
и солнца постепенные спицы
вяжут белое оперенье восхода.

* * *

Тяжелый дождь шумит над миром,
жалуется перегнутой,
мох плачет,
волосы обвисли у берез,
но в срез оврага вбитый лес
молчаньем давится,
и значит,
воображением в ударе
и предугадываньем линий
вот этот съехавший откос
в скользящей падающей глине
твой слух одарит.

136

И всех назначенных минут
остановившись взгляды
тебя, оставшего, найдут,
но не в лесу уже, а рядом
с тем самым садом,
где время — невесомый пух,
и рвется жизнь, как паутина,
где ты забудешь плоть и дух,
жсну и сына
и станешь мертв наполовину,
чтоб слово выговорить вслух.

* * *

Но ручей посетяйбрел,
и вода прочернула до дна,
за запрудой проросшая мыльными зернами пены,
оставляя субботе
травянистые стены,

уходя сквозь осины, где кружит уже желтизна,
где не знает смертей
журавлиная жизнь в постоянстве наивного леса,
где сосна потемневшей струною отвеса
мерит угол падения

в иную эпоху ветвей,
и острее и все обнаженнее их кривизна.

Ну а ты,

ну а ты...

Смеется на хуторе финском кустарник,
прогалины детства встретяют тебя ивняком,
и на срыве к оврагу
случайный неласковый дом
криво вставлен в промокший подрамник
на картине с дождем.

И какая судьба,

и когда же и как обернется,
и подхватит тебя, и возьмет тебя прочь, и уйдет
желтизну и кружение,
и медленновяжущий взлет
паутины какой-то белесой,
и пенные
ливневых остролетающих смычков,

137

и сплошное биенье
тяжелых космических вод
о тяжелые стекла осенних колодцев,
о входы,
молчаливые входы вбравших небо зрачков.

* * *

Улица
впадает
в горло.
Пьешь вечер
с металлическим привкусом стывущих пальцев,
Отражение дома
сужено в теплый желтеющий клин
абажурного света.
Руки в карманах —

медь холодна и шершава.

Вечное шмыганье,
страх возвращенья.

Дворы детства темны,
беспощадно заброшены, —
и молекулы жалкой
из того,

о чем говорили
у той кирпичной стены,
под деревьями,
имен которых не знали,
в парадных, где кочевали открытая, —
не созрело, не выросло в жизнь.
Ты друг друга —

ты любил его больше,
чем собственный мир
потаянный, —
вснит над булыжником
у бесконечных поленниц.

В тот вечер
любовь родилась как вздох
после долгого сна под водой
в изнанке солнечной ткани.

Любовь, —
говорил он, —
скучна, как табак.

Философия

вместо вина. Вещи легки
и не стоят вниманья. Шел дождь,
моросил, как сегодня,
смачивая губы,
не знавшие страха слов,
виски,
где настойчивый пульс
категорично стучал,
выбирая ритм совпадения
с вечнотактным мотором
мотоциклетной судьбы.
Лета —
подлая
речка.
Белый запах
березовых чурок
вскипает в тягучем теченье
темного, в дельту катящего воды потока вещей,
как нежданная отмель...